

ОБРАЗ ЕГИПЕТСКОГО ЦАРЯ ПТОЛЕМЕЯ XII АВЛЕТА В РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА

В. К. Хрусталёв

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
vyacheslav2511@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются свидетельства о египетском царе Птолемеи XII Авлете, содержащиеся в политических и судебных речах Цицерона («Об александрийском царе», «Вторая речь об аграрном законе», «В защиту Сестия», «В защиту Целия»). Автор анализирует образ египетского монарха, рисуемый Цицероном в его ораторских выступлениях, и прослеживает изменение этого образа в зависимости от текущей политической ситуации и конкретных целей римского оратора. Особое внимание уделяется речи «В защиту Рабирия Постума». Автор делает вывод о том, что в данной речи Цицерон рисует стандартный отрицательный образ эллинистического монарха, опирающийся на существующие в сознании его слушателей стереотипы и имеющий мало общего с исторической действительностью.

Ключевые слова: птолемеевский Египет, Поздняя римская республика, Цицерон, Птолемей XII Авлет, международные отношения

THE IMAGE OF THE EGYPTIAN KING PTOLEMY XII AULETES IN CICERO'S SPEECHES

Vyacheslav K. Khrustalyov

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia
vyacheslav2511@gmail.com
Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, No. 14-18-00390*

Данные об авторе. Вячеслав Константинович Хрусталёв – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Представления о праве и справедливости в практике предотвращения и завершения военных конфликтов: вызовы XXI века в свете мирового исторического опыта» (РНФ № 14-18-00390) в РГПУ им. А. И. Герцена.

Abstract. The article deals with the evidence on the Egyptian king Ptolemy XII Auletes contained in some Cicero's political and judicial orations: *On the Egyptian king*, *The second speech on the agrarian law*, *On behalf of Sestius*, *On behalf of Caelius*. The author analyzes the image of the Egyptian monarch created by Cicero in his speeches and traces the changes in the image depending on the political situation and the specific aims of the Roman orator. Special attention is paid to the oration *On behalf of Rabirius Postumus*. The author comes to the conclusion that in this speech Cicero constructed a standard negative image of a Hellenistic king. This image was based on stereotypes shared by his audience and had little to do with historical reality.

Keywords: Ptolemaic Egypt, Late Roman Republic, Cicero, Ptolemy XII Auletes, international relations

В сентябре 80 г.¹ на египетский престол вступил новый царь Птолемей XII², вошедший в историю под прозвищем «Авлет» (Αὔλητής), которое дали ему острые на язык александрийцы³. Время его правления пришлось на очень сложный период египетской истории. Ослабевшее государство Птолемея находилось в глубоком кризисе и уже не первое десятилетие страдало от династических междоусобиц, внутренних мятежей и смут. Не стало исключением и царствование Птолемея XII, продолжавшееся (с перерывом на изгнание в 58–55 гг.) до его смерти весной или летом 51 г. Лишь ценой больших усилий этому монарху удалось удержать трон и передать его своим детям. Однако, как известно, уже в 30 г., при ближайших преемниках Авлета, Египет окончательно утратит свою независимость и превратится в римскую провинцию.

Неудивительно поэтому, что в исследовательской литературе личность и деятельность Птолемея XII долгое время характеризовались почти исключительно негативно; впрочем, это относится ко многим, если не ко всем, последним представителям птолемеявской династии. Его часто изображали как слабого и порочного монарха, неспособного к управлению государством и превратившегося в последние годы своего царствования в безвольную марионетку в руках римлян⁴. Только в работах последних десятилетий стала наблюдаться тенденция к смягчению оценок, и исследователи начали обращать больше внимания

¹ Все даты в статье — до н.э., если не указано иное. О проблемах хронологии, связанных с правлением Птолемея XII, см. например, Samuel 1962, 154 ff. (там же ссылки на источники).

² Его официальный культовый титул: Θεὸς Φιλόπατορ Φιλάδελφος Νεὸς Διόνυσος (подробнее см. Bloedow 1963, 82–88; Hölbl 2001, 223; Nuß 2001, 674 ff.).

³ Царь получил его за пристрастие к игре на музыкальном инструменте αὐλός, предшественнике современного гобоя; на русский язык это прозвище часто переводят как «флейтист», что не совсем верно.

⁴ Особенно суровы по отношению к Авлету были историки конца XIX и первой половины XX в. Дж. Махаффи именует его «the most idle and worthless of the Ptolemies» (Mahaffy 1899, 231). Похожую характеристику дает Э. Бивэн: «We see in their (Greek and Roman. — В. X.) descriptions a degenerate, masquerading as the young Dionysos, covering his debauches with an aesthetic pageantry borrowed from Greek poetry and Greek art, flitting about overseas, a parasite of the hard Roman masters of the world» (Bevan 1927, 357). Ср. Bloedow 1963; Olshausen 1963, 22–63; Fraser 1972, 124–125. Менее категоричен в своих оценках А. Буше-Леклерк (Bouché-Leclercq 1904, 172–176), который называет Авлета «ce triste monarque».

на ту сложную политическую обстановку, в которой приходилось действовать египетскому царю⁵.

Скептическое отношение многих историков к Птолемею Авлету восходит к греческим и римским авторам, так как устойчивый отрицательный образ этого монарха сложился уже в античной литературной традиции⁶. По всей видимости, этому способствовали и неудачи на внешнеполитической арене, и сложные взаимоотношения с собственными подданными, и, может быть, в наибольшей степени, экстравагантный образ жизни вкупе с артистическими увлечениями, неподобающими, по мнению древних, носителю царского титула. Отметим, впрочем, что значительная часть негативных отзывов о Птолемеях XII принадлежит авторам, писавшим через несколько десятилетий (Страбон), а то и столетий (Лукиан, Дион Хрисостом, Афиней) после его смерти. В этой связи большой интерес представляют свидетельства о египетском царе, оставленные одним из современников и активных участников событий — Марком Туллием Цицероном. Вопрос о взаимоотношениях с государством Птолемеях занимал важное место в римской внешней и внутренней политике 80–50-х годов; соответственно, Цицерон неоднократно в той или иной степени касался египетских дел в целом и личности Птолемея XII в частности в своей переписке, а также в политических и судебных выступлениях. В настоящей статье мы сосредоточимся только на тех свидетельствах, которые содержатся в речах выдающегося римского оратора. К сожалению, в большинстве из них Цицерон упоминает царя Птолемея лишь кратко и вскользь. Наиболее интересная в этом отношении сенатская речь «Об александрийском царе» погибла почти полностью. Поэтому больше всего внимания мы уделим анализу судебной речи «В защиту Рабирия Постума», которая была самым непосредственным образом связана

⁵ Основания для «реабилитации» Птолемея XII в глазах современных историков заложили Р. Салливан (Sullivan 1990, 229–248) и Г. Хёльбль (Hölbl 2001, 222–230; мы используем английский перевод, первое, немецкое издание работы вышло в 1994 г.). См. также Siani-Davies 1997; Siani-Davies 2001, 1–38; Hekster 2012, 191–199.

⁶ См., например, Strab. XVII. 1. 11: ἀπαντες μὲν οὖν οἱ μετὰ τὸν τρίτον Πτολεμαῖον ὑπὸ τρυφῆς διεφθαρμένοι χεῖρον ἐπολιτεύσαντο, χεῖριστα δ' ὁ τέταρτος καὶ ὁ ἕβδομος καὶ ὁ ὕστατος ὁ Αὐλητής, ὃς χωρὶς τῆς ἄλλης ἀσελγείας χοραυλεῖν ἤσκησε, καὶ ἐπ' αὐτῷ γε ἐσεμνύετο τοσοῦτον ὥστ' οὐκ ὤκνει συντελεῖν ἀγῶνας ἐν τοῖς βασιλείοις, εἰς οὓς παρῆει διαμιλλησόμενος τοῖς ἀνταγωνισταῖς.— «Все цари после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли государственными делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний — Авлет; он помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце; на этих состязаниях он вступал в соревнование с соперниками» (пер. Г. А. Стратановского); Dio Chrys. 32. 69–71: ὅτε γὰρ καθ' αὐτοὺς ἦτε, οὐχ ὁ μὲν βασιλεὺς ὑμῶν περὶ αὐλησιν ἡσχολεῖτο καὶ μόνῳ τοῦτ' προσεῖχεν (...); καὶ τέλος ἐκείνος μὲν αὐλῶν, ὑμεῖς δὲ ὀρχούμενοι τὴν πόλιν ἀπωλέσατε.— «Ведь когда вы (александрийцы. — В. Х.) еще были независимы, разве царь ваш не был занят игрою на авлосе и не посвятил себя только этому занятию...? И в результате он — игрою на авлосе, а вы — танцами сгубили государство»; Athen. V. 206 c–d: πᾶς δ' ὁ τοῦ βασιλέως τοῦ Φιλαδέλφου πλοῦτος τοσοῦτον χρόνον φυλαχθεὶς κατελύθη ὑπὸ τοῦ τελευταίου Πτολεμαίου τοῦ καὶ τὸν Γαβινιακὸν συστήσαντον πόλεμον, οὐκ ἀνδρὸς γενομένου ἀλλ' αὐλητοῦ καὶ μάγου.— «Все сокровища царя Филадельфа, сберегавшиеся столь долгое время, были пушены на ветер последним Птолемеем, ввязавшимся в Габиниеву войну и показавшим себя не мужем, но флейтистом и фокусником» (пер. Н. Т. Голинкевича). Ср. Lucian. *Calumn.* 16.

с египетскими делами и в которой Птолемей Авлет является одним из главных действующих лиц.

В нескольких словах рисуем ситуацию, сложившуюся в римско-египетских отношениях к концу 80-х годов. Несмотря на то, что Птолемей XII фактически правил страной с 80 г. и был коронован в Мемфисе в 76 г., положение его долгое время оставалось неустойчивым. По завещанию одного из его предшественников, Птолемея X Александра I⁷, погибшего в сражении в 87 г., Египетское царство переходило римскому народу. Решение о вступлении в права наследства в итоге так и не было принято, однако официального отказа от него тоже не последовало, поэтому вопрос оставался в подвешенном состоянии⁸. Кроме того, помимо Авлета, существовали и другие претенденты на трон из числа членов Птолемеевской династии, которые стремились заручиться в своих притязаниях поддержкой Рима⁹. Начиная с 70-х годов Птолемей XII предпринимал некоторые шаги, чтобы добиться официального признания Римом, и ему, по-видимому, даже удалось склонить на свою сторону некоторых влиятельных сенаторов — в частности, консула 69 г. Квинта Гортензия Гортала¹⁰. Однако обеспечить принятие решения в свою пользу у царя долгое время не получалось.

Египетская проблема вновь становится одним из наиболее актуальных вопросов римской политики в середине 60-х годов в связи с обсуждением планов захвата этой богатой страны и превращения ее в римскую провинцию. Первый такой проект, за которым стояли, по всей видимости, цензор Марк Лициний Красс и курульный эдил Гай Юлий Цезарь, был выдвинут в 65 г.¹¹ Цицерон резко выступил против аннексии и произнес в сенате речь *De rege Alexandrino*¹², дошедшую, к сожалению, лишь в немногочисленных фрагментах. Большую

⁷ Вопрос об авторе этого завещания остается дискуссионным. Мы присоединяемся к исследователям, полагающим, что оно было составлено Птолемеем X Александром I (Badian 1967; Shatzman 1971, 363; Harris 1979, 155; Crawford 1994, 43–44; Hölbl 2001, 222; Mittag 2003, 186; Herklotz 2009, 139). Однако ряд ученых считают автором этого документа его сына, Птолемея XI Александра II (например: Mahaffy 1899, 224; Bouché-Leclercq 1904, 121; Volkmann 1959a; Bloedow 1963, 26 ff.; Braund 1983, 24–27; Klodt 1992, 23; Siani-Davies 1997, 307; Lampela 1998, 229–230). Тем не менее, нельзя даже с полной уверенностью утверждать, что завещание вообще существовало (см. Maehler 1983, 2; 12–13, n. 23; Huß 2001, 660–661). Если же подобный документ действительно имелся, невозможно сказать, являлся он подлинным или поддельным. Однако в Риме его аутентичность многими признавалась (Cic. *Leg. agr.* II. 41), и данный факт мог быть использован для юридического обоснования аннексии Египта.

⁸ Подробнее см. Badian 1967, 187 ff.

⁹ См. Bouché-Leclercq 1904, 126–127; Bevan 1927, 349–350; Huß 2001, 678–679.

¹⁰ См. Cic. *Verr.* II. 2. 76 (о Beppece): *Verum veniat sane, decernat bellum Cretensibus, liberet Byzantios, regem appellet Ptolomaeum, quae vult Hortensius omnia dicat et sentiat.* — «Но пусть он является (в сенат. — *В.Х.*), пусть подает голос за объявление войны Криту, за дарование Византии прав свободного города, за признание Птолемея царем, — пусть он говорит всё, подает голос за всё, что отвечает желаниям Гортензия!» (пер. Ф. Ф. Зелинского).

¹¹ См. об этом, например, Bouché-Leclercq 1904, 128–130; Olshausen 1963, 32–35; Sumner 1966; Ward 1972; Marshall 1976, 65–67; Hölbl 2001, 223–224; Huß 2001, 680; Piegdorf 2014, 108–113.

¹² Ранее некоторые исследователи ошибочно отождествляли сохранившиеся фрагменты с одной из двух речей Цицерона о царе Птолемеи, произнесенных в 56 г. (например, Bouché-Leclercq 1902, 2; Stangl 1912, 91).

часть из них сохранил анонимный позднеантичный комментатор, условно именуемый в литературе схолиастом из Боббио (Schol. Bob. 91–93 St.)¹³.

Авторы проекта присоединения Египта к римским владениям выдвинули в пользу своего предложения ряд аргументов, главным из которых была, очевидно, отсылка к пресловутому завещанию царя Птолемея Александра¹⁴. Однако этим они не ограничились. Так как присоединение Египта требовало, разумеется, использования военной силы и объявления войны фактически правившему страной Птолемею Авлету, можно ожидать, что они прилагали усилия также и к дискредитации египетского царя. Действительно, некоторые фрагменты речи *De rege Alexandrino* (fr. 6, 7, 9, 10) и комментарий к ним схолиаста из Боббио позволяют, на наш взгляд, с большой долей уверенности утверждать, что сторонники аннексии пытались дать своим действиям не только юридическое, но и нравственное обоснование¹⁵. Так, пересказывая доводы своих оппонентов, Цицерон говорит: «Это справедливая причина для войны, подобно тому как, напомнил Красс, было в случае с Югуртой»¹⁶. Прямых указаний на то, что, по мнению Красса, делает войну против Птолемея XII «справедливой», нет, однако сам выбор исторического примера свидетельствует о многом. Югурта, как известно, незаконно захватил власть над всей Нумидией, убив своих двоюродных братьев и сонаследников Адгербала и Гиемпсала, поэтому, проводя параллель между ним и Птолемеем Авлетом, Красс, по всей видимости, указывал на преступления, совершённые египетским царем, и нелегитимность его восшествия на трон. Почему он выбрал для аналогии именно этот случай, становится понятным из fr. 9–10 и комментария к ним схолиаста (Schol. Bob. 93 St.): доказывая преступный нрав Птолемея Авлета, Красс обвинил его в убийстве предшественника, царя Птолемея XI Александра II¹⁷. Тот вскоре после вступления на египетский престол в 80 г. приказал устранить свою сестру и одновременно жену, популярную в народе царицу Клеопатру Беренику III. Узнав об этом, александрийцы подняли мятеж, и царь был растерзан в гимнасии, на девятнадцатый день правления¹⁸. Вероятно, Красс обвинил Авлета в заговоре и подстрекательстве толпы к бунту.

¹³ Все сохранившиеся фрагменты речи см. Crawford 1994, 43–56; в дальнейшем при ссылках на них мы следуем нумерации этого издания. Русский перевод и комментарий: Khrustal'ov 2015.

¹⁴ См. Khrustal'ov 2015, 502–503.

¹⁵ См. Yakobson 2009, 63. Мы планируем подробно осветить данный вопрос в отдельной статье: Khrustal'ov (forthcoming).

¹⁶ Cic. *Reg. Alex.* Fr. 6 ap. Schol. Bob. 92 St.: Sic est iusta causa belli, sicuti Crassus commemoravit cum Iugurtha fuisse.

¹⁷ См., однако, Bennett 1997; Bennett 2016, п. 6. Данный автор полагает, что в указанных фрагментах речь идет о Птолемеях XI и Птолемеях X соответственно. Это невозможно по ряду причин. Цицерон говорит о предыдущем египетском царе, что тот est interfectus. Как правило (хотя и не всегда; ср. например: Cic. *Phil.* II. 55; XIII. 7; XIV. 12), оратор использует это выражение, имея в виду умышленное убийство или казнь, в то время как Птолемей X погиб в сражении (см. Huß 2001, 672, Anm. 3). Но главное, комментарий схолиаста ясно демонстрирует, что в данном случае речь идет именно об обвинениях царя в организации убийства предшественника. Предъявить такие претензии Птолемею XI было нельзя.

¹⁸ App. *BC.* I. 102; Porphy. *FGrH.* 260. Fr. 2. 8. См. Mittag 2003, 184–186.

Можно предположить также, что были высказаны сомнения в царском происхождении правителя Египта (а чистоте генеалогической линии в эллинистическом мире придавалось большое значение) и, соответственно, законности его прав на трон, хотя свидетельств этому в источниках нет. На то, что Птолемей XII был внебрачным сыном царя Птолемея IX Сотера II, косвенно указывают сообщения ряда античных авторов. Помпей Трог называет его Nothus, что, очевидно, является латинизированной формой греч. νόθος — «незаконнорожденный ребенок, бастард» (Trog. Prol. 39). Также и Павсаний отмечает, что Клеопатра Береника III, дочь царя Птолемея IX, была его единственным законным отпрыском¹⁹.

Так как задачей Цицерона в речи De rege Alexandrino было отговорить сенаторов от поддержки проекта аннексии Египта, мы можем ожидать, что он попытался опровергнуть или ослабить приведенные выше аргументы, направленные на дискредитацию Птолемея XII, но, к сожалению, сохранившиеся фрагменты дают об этом очень мало информации. Единственный раз Цицерон прямо ссылается на Авлета в фр. 9, защищая его от обвинений в организации убийства предшественника: «Когда тот царь был убит, этот мальчик был в Сирии»²⁰. Схолиаст из Боббио поясняет, что здесь мы имеем дело с одним из видов постановки вопроса («положения», стасиса) — так называемым предположением (στάσις στοχασμός, status coniecturalis), как его определяла греческая риторическая наука: «στοχασμός ἀπὸ προσωπικῶν κεφαλαίων; оно берется из основанных на предположениях рассуждений, которые, в первую очередь, заключаются, конечно, в различении двух категорий — *желания* и *возможности* (voluntate et facultate) — совершить преступление, по-гречески ἀπὸ βουλήσεως καὶ δυνάμεως. Ведь упоминание о детском возрасте имеет отношение к его *желанию* совершить преступление: Птолемей, которого слабость детского возраста удержала бы от необходимой в деле подобного рода твердости, не мог испытывать такую смертельную ненависть. К *возможности* же его совершить преступление относится упоминание о том, что он был в Сирии: отсутствуя, он не имел возможности убить того человека, в чьей гибели его обвиняли»²¹. Дата рождения Птолемея XII неизвестна, но мы полагаем, что Цицерон занижает его возраст в риторических целях²². Едва ли все сенаторы знали, сколько на самом

¹⁹ Paus. I. 9. 3: ἡ μόνη γυνὴ αἱ οἱ τῶν παίδων. Мнения современных ученых по поводу происхождения Птолемея Авлета см., например, Ogden 1999, 94 ff.; 113, n. 160; Huß 2001, 672, Anm. 34; Ager 2005, 7 (со ссылками на литературу). Большинство исследователей на сегодняшний день считают его бастардом.

²⁰ Cic. Reg. Alex. Fr. 9 apud Schol. Bob. 93 St.: cum ille rex sit interfectus, hunc puerum in Syria fuisse.

²¹ Schol. Bob. 93 St.: [στοχασμός ἀπὸ προσωπικῶν κεφαλαίων] haec sumuntur de locis coniecturalibus, qui sunt primi videlicet in huius status divisione, a voluntate et facultate [ἀπὸ βουλήσεως καὶ δυνάμεως]. Nam quod pueritiae facit mentionem, voluntatis est non potuisse Ptolomaeum capitalibus odiis dissidere, quem puerilis infirmitas ab huiusmodi obstinatione revocaret; facultatis est autem, quod ait in Syria fuisse, ut absens copiam non habuerit illius interficiendi, quem dicebatur interemisse. В рукописи схолии на месте греческого текста находятся лакуны, добавления принадлежат Л. Циглеру (Ziegler 1872, 435).

²² Cp. Bevan 1927, 345, n. 4. В четвертой «Филиппике» Цицерон называет adulescens vel puer 19-летнего Октавиана (Phil. IV. 3); это верхняя возрастная планка, по отношению к которой он употребляет слово puer. Э. Блэдов всерьез воспринимает высказывание оратора и делает вывод, что Авлет родился около 98 г. или даже позднее (Bloedow 1963, 5–9; cp. Klodt 1992, 23, Anm. 5), что маловероятно, так как не согласуется с другими источниками (возражения см. Bennett 2016, n. 6). Э. Бивэн полагает, что Птолемей XII

деле лет египетскому царю, и, используя слово *puer*, а не более соответствующее реальному положению вещей *adulescens*, оратор, лишь слегка искажив факты, изображает его невинным ребенком, а *prigori* неспособным на преступление. То, что Цицерон прибегал к подобной тактике, демонстрирует, например, похожий случай с речью «В защиту Милона». Из рассказа добросовестного комментатора Аскония, опиравшегося в данном случае на официальные документы, известно, что злополучная встреча Милона с Клодием на Аппиевой дороге произошла в девятом часу дня (*circa horam nonam*: Ascon. 31 Clark); Цицерон же говорит, что это случилось «приблизительно в одиннадцатом часу или около того» (*hora fere undecima aut non multo secus*: Cic. Mil. 29). Так как дело было 18 января, когда солнце заходит рано, этот «перенос» событий всего на два часа вперед позволил оратору придать больше правдоподобия своей вымышленной истории о засаде, якобы устроенной Клодием для Милона под покровом ночной темноты.

Вновь Цицерон обращается к египетским делам и царю Птолемею приблизительно через полтора года²³, во второй речи «О земельном законе», произнесенной перед народом в первые дни января 63 г. Эта речь, как известно, была направлена против аграрного законопроекта народного трибуна Публия Сервилия Рулла. Среди прочего, Цицерон обвиняет Рулла и его покровителей, не называемых по имени, в стремлении взять в свои руки решение египетского вопроса, с тем чтобы или превратить это царство в римскую провинцию или получить крупную взятку с Птолемея Авлета в обмен на его утверждение на престоле (*Leg. agr. II. 41–44*). При этом спорный вопрос о завещании Птолемея Александра оратор дипломатично обходит²⁴. О Птолемеи Авлете Цицерон также упоминает лишь вскользь, не называя его по имени: «Что касается человека, который ныне занимает там царский престол, то, по-моему, почти все согласятся, что он не царь — ни по своему происхождению, ни по духу»²⁵ (пер. В. О. Горенштейна). Таким образом, оратор, как нам кажется, повторяя аргументы своих оппонентов, выражает сомнение в принадлежности Авлета к царской династии и в его правах на египетский престол. Причины этого ясны. Произносивший речь на сходке (*contio*) Цицерон, добиваясь расположения народа, должен был учитывать настроения собравшихся. Значительная же часть плебса сочувственно относилась к планам захвата Египта,

появился на свет в 96–95 г. (Bevan 1927, 357). К. Беннетт, в свою очередь, определяет дату его рождения как приблизительно 117 г. (Bennett 1997, 39; 47); но 37-летнего человека Цицерон все-таки едва ли назвал бы *puer*. По мнению Х. Фолькманна, Птолемей XII появился на свет между 116 и 108 гг. (Volkmann 1959, 1749). Вопрос пока остается открытым, но, как кажется, в 80 г. Авлет был, как минимум, старше двадцати лет.

²³ Дебаты по поводу египетского проекта Красса и Цезаря мы датировем концом весны — летом 65 г.

²⁴ Cic. *Leg. agr. II. 41*: *Quis enim vestrum hoc ignorat, dici illud regnum testamento regis Alexae populi Romani esse factum? Nunc ego consul populi Romani non modo nihil iudico sed ne quid sentiam quidem profero. Magna enim mihi res non modo ad statuendum sed etiam ad dicendum videtur esse. Video qui testamentum factum esse confirmet.* — «И в самом деле, до кого из вас не дошла молва, что это царство, в силу завещания царя Алексы, стало принадлежать римскому народу? Насчет этого я, consul римского народа, не только не стану выносить решения, но не скажу даже и того, что думаю. Ибо по этому вопросу, мне кажется, трудно не только принять постановление, но даже высказаться. Я вижу, найдутся люди, которые станут утверждать, что завещание действительно было составлено» (пер. В. О. Горенштейна).

²⁵ Cic. *Leg. agr. II. 42*: *eum qui regnum illud teneat hoc tempore neque genere neque animo regio esse inter omnis fere video convenire.*

ожидаю от этого материальных выгод для себя (Leg. agr. II. 43). Поэтому, являясь противником аннексии, Цицерон не хочет прямо высказывать свою точку зрения. Соглашаясь, для видимости, с некоторыми доводами своих противников, он возражает им в основном и подчеркивает, что столь важное дело не должно решаться по своему усмотрению коллегией децемвиров, которую предполагалось создать согласно предложению Рулла.

После провала законопроекта Сервилия Рулла «египетский вопрос» на время утратил свою актуальность. В 59 г. Птолемею Авлету удалось при поддержке консула Цезаря добиться того, что сенат официально признал его царем Египта, а также «другом и союзником римского народа» (*amicus atque socius populi Romani*: Cic. Att. II. 16. 2; Rab. Post. 6; Caes. BC. III. 107; Dio. Cass. XXXIX. 12. 1); в обмен он обещал выплатить Цезарю огромную сумму денег — 36 миллионов денариев (Plin. NH. 33. 136; Plut. Caes. 48; Suet. Iul. 54. 3)²⁶. Однако уже осенью следующего, 58 г. Авлет был изгнан из своего царства восставшими александрийцами, которые посадили на трон его старшую дочь Беренику IV. Птолемей XII прибывает в Рим в поисках помощи для того, чтобы вернуть себе престол. Он обращается за поддержкой к своим влиятельным друзьям из числа римской политической элиты (прежде всего, к Помпею), раздает щедрые взятки и еще более щедрые обещания. Для этих целей царь берет в долг крупные суммы у римских финансистов. В конце концов сенат принял решение восстановить Авлета на престоле; осуществить это мероприятие было поручено консулу 57 г. и будущему проконсулу Киликии Публию Корнелию Лентулу Спинтеру²⁷. Однако царь остался недоволен этим назначением. Кроме того, этому решению противодействовал Помпей, который сам рассчитывал получить египетское командование. В итоге по инициативе народного трибуна 56 г. Гая Порция Катона был обнародован найденный в Сивиллиных книгах оракул, который истолковали как запрещающий военную экспедицию в Египет²⁸.

Цицерон находился в дружеских отношениях с Корнелием Лентулом и многим был обязан ему. Именно Спинтер провел через центуриатные комиции закон о возвращении оратора из изгнания (Cic. Post red. in sen. 27; Post red. ad Quir. 17; Dom. 75, 87, 90; Sest. 109, 128; Pis. 35–36; Dio Cass. XXXIX. 8. 2). Поэтому неудивительно, что в борьбе, развернувшейся вокруг египетского командования, Цицерон встал на сторону проконсула Киликии. 13 и 14 января 56 г., уже после обнародования запрета оракула, Цицерон произносит в сенате две речи (длинную и краткую), в которых предлагал поручить возвращение Авлета Лентулу Спинтеру (Fam. I. 2). Несомненно, в данных выступлениях оратор должен был говорить и о самом египетском царе. К сожалению, речи эти для нас потеряны, так как они, по всей видимости, даже не были опубликованы²⁹. Затем Цицерон вновь упоминает Авлета в речи «В защиту Сестия», произнесенной 11 марта 56 г. на судебном процессе по обвинению в насильственных действиях (*de vi*). В ней оратор, в числе прочего, говорит о печальной судьбе брата Птолемея XII, царя Кипра, который был по закону Публия Клодия в 58 г. лишен своего

²⁶ См. Shatzman 1971, 364; Westall 2010. Возможно, что в этой сделке участвовал также Помпей (Suet. Iul. 54. 3).

²⁷ Ссылки на источники см. Broughton 1952, 210.

²⁸ См. подробнее, например, Shatzman 1971, 365 ff.

²⁹ Как предполагает Дж. Кроуфорд, по политическим соображениям (Crawford 1984, 150–151).

царства, присоединенного к римским владениям. Нападая на своего злейшего врага, Цицерон порицает безнравственность и несправедливость этого поступка, в связи с чем особенно подчеркивает бесспорные права свергнутого царя на кипрский трон: «Царь Птолемей, хотя и не получивший еще от сената почетного имени союзника, все же приходился братом тому царю (Птолею Авлету. — В. Х.), который, находясь в таком же положении, был удостоен сенатом этого почета; Птолемей этот *был такого же происхождения, имел тех же предков* (курсив наш. — В. Х.), причем союзнические отношения с ним были столь же давними, словом, это был царь, если еще не союзник, то всё же и не враг; пользуясь миром, покоем, полагаясь на державу римского народа, он в царственном спокойствии безраздельно владел отцовским и дедовским царством»³⁰ (пер. В. О. Горенштейна). Таким образом, в изменившихся политических обстоятельствах оратор больше не видит необходимости высказывать сомнения в чистоте генеалогической линии египетского царя, официально признанного сенатом. Вскоре после этого 4 апреля 56 г., также в судебной комиссии *de vi*, Цицерон произносит еще одну защитительную речь, «В защиту Целия». Помимо ряда других преступлений, подзащитный Цицерона обвинялся также в убийстве послов, присланных в Рим восставшими александрийцами после изгнания Авлета, и в попытке отравления их главы, философа Диона. Опровергая эти обвинения, Цицерон прямо обвиняет в этих преступлениях Авлета, жившего тогда в Риме, не называя, правда, его по имени. Он утверждает, что царь не боится кары и даже не отрицает своей причастности к убийствам (*Cael.* 23; ср. *Strab.* XVII. 1. 11; *Dio Cass.* XXXIX. 13–14).

Таким образом, в рассмотренных выше речах (за исключением *De rege Alexandrino*, о которой сложно судить ввиду ее фрагментарного состояния), Птолемей Авлет появляется лишь эпизодически. Цицерон дважды (*De lege agrarian.* II и *Pro Caelio*) упоминает его в негативном контексте и дважды (*De rege Alexandrino* и *Pro Sestio*) — скорее в нейтральном.

Перейдем теперь к анализу речи *Pro Rabirio Postumo*³¹. Она была произнесена Цицероном на процессе римского всадника Гая Рабирия Постума³², которого привлекли к суду перед постоянной комиссией по делам о вымогательствах (*quaestio perpetua de repetundis*). Эта комиссия занималась главным образом расследованием злоупотреблений бывших магистратов, служивших наместниками в провинциях. Так как Постум был всадником и не занимал никаких государственных должностей, действие Юлиева закона *de repetundis* 59 г., на основании которого было предъявлено обвинение, на него не распространялось (*Rab. Post.* 12). Тем не менее он был привлечен к суду на основании дополнительной статьи *‘quo ea pecunia pervenerit’* («кому достались эти деньги»), которая могла быть

³⁰ *Cic. Sest.* 57: *Rex Ptolomaeus, qui, si nondum erat ipse a senatu socius appellatus, erat tamen frater eius regis qui, cum esset in eadem causa, iam erat a senatu honorem istum consecutus, erat eodem genere eisdemque maioribus, eadem vetustate societatis, denique erat rex, si nondum socius, at non hostis; pacatus, quietus, fretus imperio populi Romani regno paterno atque avito regali otio perfruebatur.*

³¹ Степень сохранности этой речи не слишком хорошая, и между различными изданиями встречаются расхождения, иногда весьма существенные. В дальнейшем при цитировании мы будем пользоваться текстом А. Кларка (*Clark* 1909) с привлечением издания Е. Олеховской (*Olechowska* 1981).

³² О личности Постума, его финансовой деятельности и политических связях см., например, *Vonder Mühl* 1914; *Siani-Davies* 1996 (*non vidi*); 2001, 38–65.

применена к лицам всех сословий³³. Постума обвинили в том, что ему досталась 1/10 часть огромной взятки в 10 тысяч талантов, которую царь Птолемей Авлет дал проконсулу Сирии Авлу Габинию в обмен на помощь в возвращении на египетский престол. В итоге Габиний, вопреки закону и нарушив прямой запрет сената, весной 55 г. покинул пределы своей провинции и вторгся с армией в Египет. Он нанес поражение войску Береники IV и ее мужа Архелая, захвативших трон, и вернул власть Птолемею Авлету. За эти действия Габиния после возвращения в Рим привлекли к суду по обвинению в оскорблении величия (*de maiestate*), однако он был оправдан. После этого плебейский трибун 54 г. Гай Меммий обвинил Габиния на основании *lex Iulia de repetundis* в получении взятки от царя Птолемея, и на сей раз дело закончилось осуждением несмотря на то, что в качестве защитника выступал сам Цицерон³⁴. Постум был тесно связан с египетскими делами: он, по-видимому, стоял во главе компании всадников-ростовщиков, ссужавших изгнанному царю деньги во время его пребывания в Риме. После восстановления Авлета на престоле Постум, чтобы обеспечить возврат вложенных средств, отправился в Александрию, где получил пост диойкета (*διοικητής*), т.е. управляющего царской казной и финансами (*Cic. Rab. Post.* 22, 28)³⁵. Его действия по выколачиванию денег из населения Египта вызвали восстание. Постум вынужден был бежать из Александрии и возвратиться в Рим. Вскоре после этого Гай Меммий и привлек Рабирия к суду за участие в египетских махинациях, так как после осуждения самого Габиния и продажи его имущества не удалось выручить установленную сумму возмещения ущерба в 10 тысяч талантов³⁶.

Точная дата этого процесса неизвестна. Как следует из речи Цицерона, суд проходил в разгар зимних холодов (*Rab. Post.* 42). Большинство исследователей датируют процесс Постума декабром 54 — первой половиной января 53 г.³⁷ Особенно стоит мнение Э. Линтота, который полагает, что суд не мог состояться раньше конца 53 г.³⁸ К. Клодт, соглашаясь, в целом, с его аргументацией, относит процесс к началу 52 г.³⁹ Впрочем, для целей нашего исследования небольшие расхождения в датировках не носят принципиального характера.

Птолемей XII является одним из важных действующих лиц речи «В защиту Рабирия Постума», хотя упоминания о нем распределены в тексте весьма неравномерно и сосредоточены, главным образом, в первой ее половине. «Зловещая тень» египетского монарха появляется уже в самых первых словах оратора, который сетует на *potestas regia et libido*⁴⁰. При этом лишь однажды Цицерон

³³ Подробнее о юридической стороне процесса Постума см. Klodt 1992, 52–59.

³⁴ См. об этих процессах Fantham 1975; Alexander 1990, 145 (No. 296); 148 (No. 303); Khrustalyov 2013, 441–450.

³⁵ Постум занимал его, вероятно, с апреля 55 г. до октября 54 г. (Bloedow 1963, 112). См. также Balconi 1993.

³⁶ Подробнее о процессе Постума в целом см. Drumann 1929, 60–71; Alexander 1990, 149 (No. 305); Klodt 1992, 40–51; Siani-Davies 2001, 65–91; Alexander 2002, 110–118.

³⁷ Например, Siani-Davies 2001, 73–81; Alexander 2002, 110; 290 (с ссылками на литературу).

³⁸ Lintott 1974, 67–68.

³⁹ Klodt 1992, 33–34; с ней солидарен Д. Берри (Berry 1996, 206).

⁴⁰ *Cic. Rab. Post.* 1: *si quis est, iudices, qui C. Rabirium, quod fortunas suas... potestati regiae libidinique commiserit, reprehendendum putet...* — «Если есть кто-либо, судьи, кто посчитает Гая Рабирия, потому что тот свое состояние... вверил царской власти и произволу, заслуживающим порицания...» (курсив наш. — В. Х.).

называет его «Птолемеєм» (Rab. Post. 4) и еще один раз — «александрийским царем» (ibid.). Во всех остальных случаях оратор использует просто слово *rex* — «царь» (Rab. Post. 1, 5, 6, 19, 22, 24–26, 28, 29, 31, 34, 38, 45). Привычка Цицерона в речах и письмах не называть по имени своих врагов, политических оппонентов и вообще лиц, к которым он относится неприязненно, хорошо известна⁴¹. Представляется справедливым также замечание М. Сиани-Дэвис о том, что в данном случае Цицерон мог пытаться таким образом отделить своего подзащитного Постума от египетского царя и его сомнительных действий⁴². Но, как кажется, оратор преследует и другую цель. Стратегия защиты Цицерона в значительной степени заключается в том, чтобы изобразить Постума не преступником, а жертвой, ставшей заложником обстоятельств и произвола иноземного правителя. Слово *rex* само по себе имело в глазах большинства римлян Поздней республики определенные негативные коннотации⁴³, и оратор умело использует в своих целях представления о единоличной неограниченной власти и ее носителях, существовавшие в сознании своих слушателей⁴⁴.

«Всем нам, даже если мы и не извели этого на своем опыте, — утверждает оратор, — известны царские привычки»⁴⁵. Сразу же вслед за этим высказыванием Цицерон раскрывает источник знаний, наличия которых он ожидает от своей аудитории, — театральные представления. В подтверждение своих слов оратор приводит стихи из латинских трагедий, иллюстрирующие приказания и угрозы театральных царей⁴⁶. Обращение Цицерона к этому жанру не вызывает удивления⁴⁷, хотя в речах он делает это существенно реже, чем в письмах и тем более в философских и риторических сочинениях. В трагедиях авторов эпохи Республики цари часто изображались жестокими и своенравными

⁴¹ Adams 1978, 163–164.

⁴² Siani-Davies 2001, 111–112: an attempt to distance Postumus from Ptolemy Auletes and his nefarious activities.

⁴³ См. об этом, например, Dunkle 1967; Arena 2013, 247–248; Sigmund 2014, 89–90 (с библиографией).

⁴⁴ Политики и полководцы эпохи Республики для обоснования или оправдания своих действий на внешнеполитической арене периодически прибегали к сознательной демонизации иностранных царей, противопоставляя римскую республиканскую *libertas* их неограниченной власти (см. Sigmund 2014, 35–44). Цицерон в своих речах (например, в «Верринах» и в «Филиппиках») неоднократно использует образы тирана и тирании, нападая на своих противников. См. подробнее Dunkle 1967, 160 ff.; Frazel 2009, 166 ff.; Sigmund 2014, 84–89.

⁴⁵ Cic. *Rab. Post.* 29: *Nemo nostrum ignorat, etiam si experti non sumus, consuetudinem regiam.*

⁴⁶ Cic. *Rab. Post.* 29: *Regum autem sunt haec imperia: ‘animadvertite ac dicto pare’ et ‘praeter rogatum si quid’* (конъектура Хальма: Halm 1855, 25; рукописное чтение ‘*si illi sit pie*’) et *illae minae: ‘si te secundo lumine hic offendero, moriere’.* — «Царям ведь свойственны такие приказания: “Соблюдай и повинуйся сказанному”, “Если что-либо, когда тебя не спросили...”, — и такие угрозы: “Если тебя застану завтра здесь, умрешь”».

⁴⁷ Различные аспекты темы «Цицерон и римская трагедия» неоднократно становились предметом специального изучения в историографии. Exempli gratia назовем лишь несколько работ: Wright 1931; Goldberg 2000 (*non vidi*); Schierl 2015 (со ссылками на литературу).

деспотами⁴⁸. Таким образом, Цицерон, как верно замечает К. Клодт, уподобляет Рабирию герою трагедии, ставшему жертвой тиранической власти; к сожалению, контекст приведенных цитат неизвестен, поэтому мы не можем определить, с какими именно театральными персонажами оратор отождествляет своего подзащитного⁴⁹.

Вообще в своем выступлении Цицерон неоднократно приписывает Птолемею наличие отрицательных качеств, типичных для классического «царя» и «тирана». Он не держит своих обещаний⁵⁰ и обманул (*fefellit* — слово с сильной эмоциональной окраской) доверившегося ему Постума (*Rab. Post.* 1). Изгнанный из своего царства, Птолемей прибывает в Рим, уже вынашивая коварные замыслы (*dolosis consiliis*: *ibid.* 4). Однако он искусно скрывает их и предстает сначала как смиренный проситель⁵¹. Но, добившись своего, Птолемей ведет себя совсем иначе, в полной мере проявляя свою тираническую натуру. Цицерон подчеркивает царский произвол (*libido regis*: *ibid.* 22, 26) и насилие (*iniuria regis*: *ibid.* 29). Согласившись отправиться в Александрию и занять там пост диойкета, Постум поступил глупо (*stulte*; *ibid.* 22–24), так как тем самым он добровольно лишил себя свободы и отдался в руки неограниченной власти⁵². Однако лишь жесткая необходимость вынудила Рабирию пойти на это (*ibid.* 25). Еще одного характерного для монархов порока — страсти к роскоши (*luxuria*) — Цицерон Авлету, правда, прямо не приписывает, однако упоминает о великолепных царской обстановке и свите (*ibid.* 6: *magnificentiam apparatus comitatumque regium*). Цицерон ставит Птолемея в один ряд с другими властителями, которых он упоминает в своей речи: Дионисием Сиракузским⁵³, Александром Македон-

⁴⁸ См. Sigmund 2014, 59–60. Хр. Зигмунд замечает, однако, что одновременно существовал и образ «хорошего царя», поэтому говорить о безоговорочно антимонархической направленности республиканской трагедии нельзя.

⁴⁹ Klodt 1992, 147. Лишь последнюю цитату (*si te secundo lumine hic offendero, moriere*) можно, с некоторой долей вероятности, отнести к трагедии Энния «Медее» (*TRF.* P. 47); ср. *Eur. Med.* 352–354 (слова Креонта по отношению к Медее). Цицерон цитировал эту трагедию (*Cael.* 18).

⁵⁰ *Cic. Rab. Post.* 1: *Si exstisset in rege fides...* («Если бы царь сдержал обещание...») — намек на то, что таким важным в глазах римлян качеством, как *fides*, египетский царь не обладает. Ср. перевод К. Клодт: «‘wenn der König sein Wort gehalten hätte’ mit der Unterbedeutung ‘wenn der König Kreditwürdigkeit besessen hätte’» (Klodt 1992, 92).

⁵¹ *Cic. Rab. Post.* 4: *Cui egenti et roganti hic infelix pecuniam credidit.* — «Его (Птолемея), нуждающегося и молящего, этот несчастный (Постум) ссудил деньгами»; 5: *Supplex erat rex, multa rogabat, omnia pollicebatur.* — «Царь смиренно умолял, просил многое, обещал всё».

⁵² *Cic. Rab. Post.* 24: *Plane confiteor fieri nihil posse dementius quam scientem in eum locum venire ubi libertatem sis perditurus.* — «Я полностью признаю, что не может быть ничего безумнее, чем сознательно отправиться в такое место, где ты лишишься свободы». Ср. с рассказом Плутарха, Аппиана и Диона Кассия (*Plut. Pomp.* 78. 7; *App. BC.* II. 85; *Dio Cass. XLII.* 4. 3) о том, как после Фарсала Помпей, вынужденный просить убежища при дворе египетского царя, спускаясь в лодку, чтобы высадиться на берег, цитирует стихи из неизвестной трагедии Софокла: «Когда к тирану в дом войдет свободный муж, / Он в тот же самый миг рабом становится» (ὅστις δὲ πρὸς τύραννον ἐμφορεύεται, / κείνου ὅτι δοῦλος, καὶ ἐλεύθερος μὴν) (*TGF.* P. 316. N. 789; пер. Г. А. Стратановского). См. Klodt 1992, 134.

⁵³ Какого именно из Дионисиев, Старшего или Младшего, Цицерон имеет в виду, он не уточняет.

ским (ibid. 23), понтийским царем Митридатом VI (ibid. 27). Почти всем этим правителям также свойственны стереотипные «царские» черты: Дионисию, например, — несправедливость (*iniquitas*), а Митридату — жестокость (*crudelitas*).

Весьма деликатно Цицерон касается скандальных слухов о том, что Авлет, используя занятые у Постума деньги, подкупал сенаторов для благоприятного решения своего дела (*Rab. Post.* 6—8). Он отказывается подробно обсуждать их, говоря, что «не этот вопрос сейчас рассматривается, и дело Постума совсем не связано с этими обстоятельствами»⁵⁴. Признание этого неприятного факта бросило бы тень не только на царя Птолемея, но и на сенат, членами которого была треть судей. Однако оратор и не отрицает возможности того, что подкуп действительно имел место, искусно оставляя египетского монарха под подозрением. Цицерон утверждает лишь, что Постум не должен нести никакой ответственности, даже если предоставленные им средства использовались в преступных целях: «Однако тот, кто давал [деньги], не должен спрашивать, для каких целей тот, кто взял, их занимает. Ведь он доверился не разбойнику, но царю; не царю — врагу римского народа, но тому, возратить которого на престол, как он видел, сенат поручил консулу; не царю, чуждому этой державе, но тому, с которым, как он увидел, был заключен союзный договор на Капитолии. Потому что если будет виноват кредитор, а не тот, кто дурно использовал данные в долг деньги, тогда следует осуждать того, кто изготовил и продал меч, а не того, кто этим мечом убил какого-либо гражданина»⁵⁵. Однако уже в самом начале речи Цицерон ясно дал понять, что царь обманул доверие Постума и, исходя из логики оратора, получается, что фактически он повел себя именно как «разбойник» (*latro*).

Не более чем сам властитель, заслуживают доверия и его подданные, депутация которых давала свидетельские показания против Постума (*Rab. Post.* 34 sqq.). Жители Александрии нахальны и бесстыдны⁵⁶. Слова их не заслуживают веры, ибо александрийцы по природе своей лживы, коварны и склонны к разнообразным уловкам⁵⁷.

Таким образом, в речи «В защиту Рабирия Постума» Цицерон в риторических целях представляет нам не живого Птолемея XII с его достоинствами и пороками, а стереотипный негативный образ эллинистического царя, существовавший в сознании многих его слушателей. Авлету приписывается целый ряд отрицательных качеств, ассоциировавшихся в глазах римлян с царской властью: недобросовестность, т.е. нарушение *fides*, коварство, несправедливость, склонность к произволу и тиранические замашки. К этому Цицерон искусно прибавляет еще и этнические стереотипы, бытовавшие по отношению к александрийцам. То же самое можно сказать и о других упоминаниях Птолемея XII,

⁵⁴ Cic. *Rab. Post.* 6: sed nec id agitur hoc tempore nec cum Postumi causa res ista coniuncta est.

⁵⁵ Cic. *Rab. Post.* 6—7: tamen non debuit is qui dabat, cur ille qui accipiebat tum sumeret, quaerere. Non enim latroni, sed regi credidit, nec regi inimico populi Romani, sed ei cuius redditum consuli commendatum a senatu videbat, nec regi qui alienus ab hoc imperio esset, sed ei quicum foedus feriri in Capitolio viderat. Quodsi creditor sit in culpa, non is qui improbe credita pecunia usus est, damnetur is qui fabricatus gladium est et vendidit, non is qui illo gladio civem aliquem interemit.

⁵⁶ Cic. *Rab. Post.* 34: Quod habent os, quam audaciam!

⁵⁷ Cic. *Rab. Post.* 35: Illinc omnes praestigiae, illinc, inquam, omnes fallaciae, omnia denique ab eis mimorum argumenta nata sunt.— «Я говорю вам, отсюда [из Александрии. — В.Х.] берут начало все обманы, все плутни, наконец, от них рождаются все сюжеты для мимов».

содержащихся в речах Цицероновского корпуса: они являются скорее памятником выдающемуся мастерству лучшего римского оратора, нежели полноценными историческими свидетельствами о весьма неоднозначной личности египетского царя.

Подводя итог, специально подчеркнем следующее. Выводы, к которым мы пришли, отнюдь не оригинальны и могут показаться очевидными. Однако, во-первых, дополнительная аргументация, подтверждающая их с привлечением материала источников, которые для этого ранее не использовались, будет нелишней. Во-вторых, в данном случае сами эти выводы для нас скорее второстепенны; нашей целью, в первую очередь, было рассмотреть *конкретные средства*, используемые Цицероном для достижения вполне предсказуемой цели. Проблема создания образов «тирании» и «тирана» в речах Цицерона неоднократно исследовалась в научной литературе, но в основном на римских примерах (Веррес, Катилина, Клодий, Марк Антоний). Представляется, что проведенный нами анализ использования данных стереотипов при конструировании образа эллинистического царя может внести свой вклад в дальнейшую разработку данной темы.

Литература/References

- Adams, J.N. 1978: Conventions of Naming in Cicero. *Classical Quarterly* 28, 145–166.
- Ager, Sh.L. 2005: Familiarity Breeds: Incest and the Ptolemaic Dynasty. *Journal of Hellenic Studies* 125, 1–34.
- Alexander, M.C. 1990: *Trials in the Late Roman Republic, 149 B.C. to 50 B.C.* (Phoenix. Suppl., 26). Toronto.
- Alexander, M.C. 2002: *The Case for the Prosecution in the Ciceronian Era*. Ann Arbor (Mich.).
- Arena, V. 2013: *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Badian, E. 1967: The Testament of Ptolemy Alexander. *Rheinisches Museum für Philologie* 110, 178–192.
- Balconi, C. 1993: Rabirio Postumo dioiketes d'Egitto in P. Med. inv. 68.53? *Aegyptus* 73, 3–20.
- Bennett, C. 1997: Cleopatra Tryphaena and the Genealogy of the Later Ptolemies. *Ancient Society* 28, 39–66.
- Bennett, C. 2016: *Egyptian Royal Genealogy: Ptolemy XII*. http://www.tyndalehouse.com/egypt/ptolemies/ptolemy_xii.htm#Auletes.01 (date of access: 4.01.2016).
- Berry, D.H. 1996: Rev.: Vasaly, A. Representations: Images of the World in Ciceronian Oratory. Berkeley, 1993; Craig, C. P. Form as Argument in Cicero's Speeches: A Study of Dilemma. Atlanta, 1993; Mackendrick, P. The Speeches of Cicero: Context, Law, Rhetoric. London, 1995; Klodt, C. Cicero, Pro Rabirio Postumo. Einleitung und Kommentar. Stuttgart, 1992; Gotoff, H. C. Cicero, Caesarian Speeches. A Stylistic Commentary. London, 1993. *Journal of Roman Studies* 86, 201–207.
- Bevan, E.R. 1927: *The House of Ptolemy: A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London.
- Bloedow, E. 1963: *Beiträge zur Geschichte des Ptolemaios XII. Diss.* Würzburg.
- Bouché-Leclercq, A. 1902: La question d'Orient au temps de Cicéron (suite et fin). *Revue historique* 80, 1–24.
- Bouché-Leclercq, A. 1904: *Histoire des Lagides*. T. II. Paris.
- Braund, D.C. 1983: Royal Wills and Rome. *Papers of the British School at Rome* 51, 16–57.
- Broughton, T.R.S. 1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. New York.
- Chrystaljow, W.K. (forthcoming): «*Sic est (non) iusta causa belli*»? Issues of Law and Justice in the Argumentation of the Opponents and the Proponents of the Roman Annexation of Egypt in 65 B.C.
- Clark, A.C. (rec.) 1909: *M. Tulli Ciceronis orationes*. Vol. IV. Oxonii.
- Crawford, J.W. 1984: *M. Tullius Cicero. The Lost and Unpublished Orations*. (Hypomnemata: Untersuchungen zur Antike und zu ihrem Nachleben, 80). Göttingen.
- Crawford, J.W. (ed., comm.) 1994: *M. Tullius Cicero. The Fragmentary Speeches*. 2nd ed. Atlanta.
- Drummann, W. 1929: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung*. 2. Aufl. P. Groebe (Hrsg.). Bd VI. Leipzig.
- Dunkle, J.R. 1967: The Greek Tyrant and Roman Political Inveective of the Late Republic. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 98, 151–171.
- Fantham, E. 1975: The Trials of Gabinius in 54 B. C. *Historia* 24, 425–443.

- Frazel, T.D. 2009: *The Rhetoric of Cicero's «In Verrem»*. Göttingen.
- Frazer, P.M. 1972. *Ptolemaic Alexandria*. Vol. I. Oxford.
- Goldberg, S.M. 2000: Cicero and the Work of Tragedy. In: G. Manuwald (Hrsg.), *Identität und Alterität in der frühromischen Tragödie*. Würzburg, 49–59.
- Halm, K. 1855: *Ueber Cicero's Rede pro C. Rabirio Postumo. Eine kritische Abhandlung*. München.
- Harris, W.V. 1979: *War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C.* Oxford.
- Hekster, O. 2012: Kings and Regime Change in the Roman Republic. In: P. Derow, Chr. Smith, L. Yarrow (eds), *Imperialism, Cultural Politics, and Polybius*. Oxford, 184–202.
- Herklotz, F. 2009: Ptolemaios XII. Neos Dionysos – Versager oder siegreicher Pharao? In: M. Fitzenreiter (Hrsg.), *Das Ereignis. Geschichtsschreibung zwischen Vorfall und Befund*. (IBAES, 10). London, 137–154.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. T. Savadra (transl.). London–New York.
- Huß, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit, 332–30 v. Chr.* München.
- Khrustalyov, V.K. 2013: [The Trial of A. Gabinius (cos. 58) *de maiestate*]. *Elektronniy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* 5. <http://mes.igh.ru/s207987840000547-0-1> (date of access: 3.10.2013).
- Хрусталёв, В. К. Судебный процесс по обвинению в оскорблении величия над Авлом Габинием, консулом 58 г. до н.э. *ЭНОЖ «История»* 5.
- Khrustalyov, V.K. (trans., ed.) 2015: [M. Tulli Ciceronis orationis de rege Alexandrino fragmenta]. *Mnemon* 15, 441–450.
- Хрусталёв, В.К. (пер., комм.) 2015: Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты). *Мнемон* 15, 441–450.
- Klodt, C. 1992: *Ciceros Rede Pro Rabirio Postumo: Einleitung und Kommentar*. Stuttgart.
- Lampela, A. 1998: *Rome and the Ptolemies of Egypt. The Development of Their Political Relations, 273–80 B.C.* Helsinki.
- Lintott, A.W. 1974: Cicero and Milo. *Journal of Roman Studies* 64, 62–78.
- Maehler, H. 1983: Egypt under the Last Ptolemies. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 30, 1–19.
- Mahaffy, J.P. 1899: *A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London.
- Marshall, B.A. 1976: *Crassus: A Political Biography*. Amsterdam.
- Mittag, P.F. 2003: Unruhen im hellenistischen Alexandria. *Historia* 52, 161–208.
- Ogden, D. 1999: *Polygamy, Prostitutes and Death: the Hellenistic Dynasties*. London.
- Olechowska, E. (rec.) 1981: *M. Tulli Ciceronis orationes pro Cn. Plancio, pro C. Rabirio Postumo*. Stuttgart/Gardiae.
- Olshausen, E. 1963: *Rom und Ägypten von 116 bis 51 v. Chr.* Diss. Erlangen.
- Piegoń, M. 2014: *Krassus. Polityk niespełnionych ambicji [Crassus. A politician with unfulfilled ambitions]*. Kraków.
- Puccioni, G. (ed.) 1972: *M. Tulli Ciceronis orationum deperditarum fragmenta*. Editio secunda. Florentiae.
- Samuel, A.E. 1962: *Ptolemaic Chronology*. München.
- Schierl, P. 2015: Roman Tragedy – Ciceronian Tragedy? Cicero's Influence on Our Perception of Republican Tragedy. In: G. Harrison (ed.), *Brill's Companion to Roman Tragedy*. Leiden–Boston, 45–62.
- Shatzman, I. 1971: The Egyptian Question in Roman Politics (59–54 B.C.). *Latomus* 30, 363–369.
- Siani-Davies, M. 1996: Gaius Rabirius Postumus: A Roman Financier and Caesar's Political Ally. *Arctos* 30, 207–240.
- Siani-Davies, M. 1997: Ptolemy XII Auletes and the Romans. *Historia* 46, 306–340.
- Siani-Davies, M. (trans., comm.) 2001: *Cicero's Speech Pro Rabirio Postumo*. Oxford.
- Sigmund, Chr. 2014: *«Königtum» in der politischen Kultur des spätrepublikanischen Rom*. Berlin–Boston.
- Stangl, Th. (rec.) 1912: *Orationum Ciceronis scholiastae*. Vol. II. Vindobonae.
- Sullivan, R.D. 1990: *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC*. Toronto.
- Sumner, G.V. 1966: Cicero, Pompeius, and Rullus. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 97, 569–582.
- Volkman, H. 1959: Ptolemaios (32, 33). In: *RE*. Hlbd 46, 1747–1755.
- Vonder Mühl, Fr. 1914: Rabirius (6). In: *RE*. II. R. Hlbd 1, 25–28.
- Ward, A.M. 1972: Cicero's Fight against Crassus and Caesar in 65 and 63 B.C. *Historia* 21, 244–258.
- Westall, R. 2010: The Loan to Ptolemy XII, 59–48 BCE. *Ricerche di egiptologia e di antichità copte* 12, 23–41.
- Wright, F.W. 1931: *Cicero and the Theater*. Northampton (Mass.).
- Yakobson, A. 2009: Public Opinion, Foreign Policy and 'Just War' in the Late Republic. In: C. Eilers (ed.), *Diplomats and Diplomacy in the Roman World*. Leiden–Boston–Köln, 45–72.
- Ziegler, L. 1872: Zur Textkritik des Scholiasta Bobiensis zu Ciceronischen Reden. *Rheinisches Museum für Philologie* 27, 420–437.